

И. Н. [Автор не установлен.] Библиография. Учение христианской Православной Церкви о нравственности или нравственное богословие: Вып. 1: Главные элементы и проявления нравственности / Изложил Сергей Никитский. М., 1899 // Богословский вестник 1900. Т. 2. № 6. С. 305–312 (3-я пагин.).

II.

Учение христианской православной церкви о нравственности или нравственное богословие.—Изложилъ Сергій Никитскій.—Выпускъ первый.—Главные элементы и проявленія нравственности.—Москва 1899 г. Ц. 50 к.

Нравственное Богословіе принадлежит къ числу обиженныхъ предметовъ семинарскаго преподаванія. Уже давно былъ отмѣченъ тотъ печальный фактъ, что нравственное богословіе представляетъ въ семинаріяхъ предметъ самый скучный, самый сухой, изучаемый единственно по оффиціи. Такое отношеніе къ нравственному богословію не измѣнилось до сихъ поръ. Причина этого лежитъ, конечно, не въ самой наукѣ, а въ ея постановкѣ и методѣ. Сама по себѣ эта наука, какъ имѣющая непосредственное отношеніе къ дѣйствующему лицу, къ его душевному строю, является наукой по преимуществу психологической, жизненной. По справедливому замѣчанію К. Д. Кавелина, „она, вмѣстѣ съ психологіей, изъ всѣхъ наукъ всего глубже проникаетъ въ тайны психической жизни и дѣятельности человѣка и всего ближе подходитъ къ источникамъ, гдѣ послѣдняя непосредственно зарождается... И эта именно близость психологич. и этики къ непосредственнымъ источникамъ психической жизни и дѣятельности людей дѣлаетъ обѣ эти науки вѣнцомъ и послѣднимъ заключительнымъ словомъ всего знанія“¹⁾. Интересъ къ такимъ наукамъ понятенъ самъ собою, а между тѣмъ нравственное богословіе, въ настоящемъ своемъ положеніи, далеко не можетъ похвастаться этимъ...

О такомъ печальномъ несоотвѣтствіи намъ опять напомнила недавно вышедшая книга, заглавіе которой мы выписали выше. Она принадлежитъ преподавателю „нравственнаго

¹⁾ Собраніе сочиненій, т. III. СПб., 1899 г.—Задачи этики, стр. 908—909.

богословія“ въ семинаріи, составлена „примѣнительно къ семинарской программѣ, съ дополнительными параграфами, требуемыми осмысленною постановкою преподаванія этой науки“, какъ о томъ заявлено въ объявленіи о выходѣ въ свѣтъ разбираемой книги. Какъ видно изъ объявленія, далеко не все по отношенію къ нравственному богословію обстоитъ въ семинаріяхъ благополучно, если понадобилось вводить въ программу этой науки дополнительные параграфы, осмысливающіе ея преподаваніе. Несомнѣнно, такъ и есть на самомъ дѣлѣ, но вся бѣда въ томъ, что едва ли разбираемая книжка прибавитъ и придастъ осмысленность и интересъ преподаванію нравственнаго богословія. Авторъ книжки скромно говоритъ о себѣ, что онъ только „изложилъ“ матеріалъ, вошедшій въ составъ его книжки, отклоняя такимъ образомъ отъ себя всякое притязаніе на самостоятельность и оригинальность. Скромность автора основательна: вскрыть его источники очень не трудно. Но и къ выбору матеріала, къ тому или иному изложенію его можно относиться критически. И намъ кажется, что новоявленная книжка не удовлетворяетъ желательнымъ требованіямъ.

Не смотря на неудовлетворительную постановку нравственнаго богословія въ семинаріяхъ, а можетъ быть отчасти благодаря именно ей, наша богословская литература стремилась намѣтить и установить теоретическія требованія для плодотворной постановки этой науки, а съ другой стороны дала не мало опытовъ систематическаго, болѣе или менѣе научнаго, изложенія христіанскаго нравоученія. Идеальные запросы и требованія къ наукѣ нравственнаго богословія были предъявлены напр. въ статьѣ проф. Гренкова: „первоначальное происхожденіе науки о христіанской нравственности и ея краткая исторія“ (Прав. Собес. 1875 г. т. I), библиографической замѣткѣ его же по поводу „православнаго нравственнаго богословія“ Халколиванова (Прав. Собес. 1872 г., т. III), статьѣ проф. Олесницкаго „нѣнка, какъ наука“ (Труды К. Д. Ак. 1879 г., т. II). Тому же выясненію принципозъ систематизаціи нравственно-богословскаго научнаго матеріала посвящена недавно вышедшая цѣлая книга г. Архангельскаго подъ названіемъ: „задача, содержаніе и планъ системы православно-христіанскаго нравоученія“. Систематическіе опыты изложенія христіанскаго нравоученія пере-

числѣть было бы слишкомъ долго. Не смотря на свое хаотическое разнообразіе, они все-таки внесли посильную лепту въ разработку науки нравственнаго богословія. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ положительный цѣнный вкладъ въ богословскую науку. Одни изъ нихъ имѣютъ въ виду дать научно-философскую разработку вопроса о нравственности, установить законы нравственной дѣятельности чело-вѣка, опредѣлить ея нормы и указать способы, при помощи которыхъ душевная дѣятельность можетъ стать нормальной, нравственною. Таково „православно-христіанское ученіе о нравственности“ о. Янышева; сюда же слѣдуетъ отнести, правда переводную, систему христіанскаго правоученія Мартенсена. Иной типъ нравственной системы представляетъ собою „начертаніе христіанскаго правоученія“ еп. Теофана. Онъ излагаетъ христіанское правоученіе въ духъ и силѣ ученія свв. Отцовъ и учителей церкви, руководясь, помимо откровеннаго слова Божія, аскетическими твореніями подвижниковъ, которыя отличаются, какъ извѣстно, глубокимъ знаніемъ таинственныхъ движеній души человѣческой и опытнымъ знакомствомъ съ проявленіями нравственной жизни. Есть, наконецъ, въ русской литературѣ содержательный трудъ, выросшій на почвѣ такъ называемаго естественно-философскаго правоученія. Разумѣемъ „оправданіе добра“ В. С. Соловьева. Говоримъ о всемъ этомъ къ тому, чтобы показать, что и наша отечественная литература представляетъ достаточный и разносторонній матеріалъ для изложенія и составленія руководства по нравственному богословію. Лишь бы была добрая охота къ изученію и сведенію этого матеріала.

Но такого изученія и объединенія указаннаго матеріала мы въ новоявленной книжкѣ г. Никитскаго къ сожалѣнію не встрѣчаемъ. Это—крупнѣйшій ея недостатокъ. Различные отдѣлы и главы книги заимствованы изъ разныхъ источниковъ, не объединены какимъ-либо общимъ принципомъ и не освѣщены одною идеей. При желаніи изложить въ извѣстной системѣ православно-христіанское ученіе о нравственности разбираемая книга поражаетъ насъ безпринципностію, отсутствіемъ системы...

По обычаю книжка г. Никитскаго начинается „введеніемъ въ науку“ нравственнаго богословія. Опредѣливши нрав-

ственное богословіе, какъ „науку о нравственности“ чело-
вѣка, авторъ естественно долженъ былъ перейти къ ближай-
шему уясненію понятія о нравственности. Иначе его опре-
дѣленіе заключало бы въ себѣ простую тавтологію. Понятіе
о нравственности авторъ, къ удивленію, даетъ на основаніи
не логическаго анализа содержанія этого понятія, а эти-
мологическаго разбора русскаго, латинскаго и греческаго
названій нравственности. Такимъ путемъ онъ получаетъ
слѣдующее этимологическое опредѣленіе нравственности:
она „*есть болѣе или менѣе прочное настроеніе чело-
вѣка (но въ чемъ?), возбуждающее въ немъ самымъ извѣстными пріят-
ными (но какія?) чувствованія и выражающееся въ извѣстныхъ
дѣйствіяхъ или поступкахъ*“ ¹⁾. Конечно, можетъ быть иного
понятія о нравственности, на основаніи этимологій слова,
составить и нельзя, но напрасно составитель разбираемой
книги величаетъ это понятіе „довольно точнымъ“ ²⁾. Всѣмъ,
чѣмъ угодно, можетъ похвалиться это опредѣленіе, только
не точностью и осмысленностью. Никакого представленія о
нравственности изъ такого опредѣленія ея не вынесешь, а
между тѣмъ мы напрасно стали бы искать иного опредѣле-
нія въ другихъ мѣстахъ книжки. Объясняется это именно
крайнимъ увлеченіемъ со стороны автора однимъ какимъ-
либо источникомъ. Въ данномъ случаѣ авторъ заимствовалъ
этимологическое опредѣленіе нравственности у Ф. Янышева
(у котораго, впрочемъ, есть опредѣленіе нравственности и
по существу ея) и опустил изъ вниманія прекрасный ана-
лизъ нравственности по ея внутренней сущности напр. у
Мартенсена. А насколько было важно дать точное опредѣ-
леніе нравственности, видно изъ неустановленности понятія
о ней. „Прислушаемся къ разговорамъ, взглянемъ въ книги
и журнальныя статьи, заведемъ рѣчь объ этихъ предметахъ,—
и мы тотчасъ же убѣдимся, что каждый понимаетъ нрав-
ственность, нравственную личность по-своему, что съ этими
названіями соединяются совсѣмъ различныя представленія.
На повѣрку выходитъ, что нравственность есть нѣчто крайне
неопредѣленное и туманное. Поэтому надо, прежде всего
точно и ясно условиться и установить, о чемъ собственно

¹⁾ Курсивъ автора. См. стр. 6.

²⁾ Тамъ же.

мы намѣрены говорить“¹⁾. Этого перваго и главнаго требованія авторъ разбираемой книги не выполняетъ.

Отсутствіе матеріальнаго опредѣленія нравственности дѣлаетъ рѣшительно непонятнымъ планъ или составъ разбираемой книги. Почему авторъ долженъ говорить прежде всего о нравственной жизни прародителей въ раю и нравственномъ состояніи падшихъ людей, выяснять общія понятія о свободѣ, нравственномъ законѣ, добродѣтели, грѣхѣ, побужденіяхъ и вмѣненіи, объ одномъ ограничиваться сравнительно краткими свѣдѣніями, о другомъ трактовать подробнѣе,—съ ясностью не видно. Положимъ, изъ подзаголовка книги вытекаетъ, что авторъ имѣлъ въ виду раскрыть главные элементы нравственности, но почему понятія свободы, нравственнаго закона, добра входятъ, въ качествѣ главныхъ признаковъ, въ основное понятіе нравственности, у автора не выяснено. Очевидно, авторъ просто слѣдуетъ порядку семинарской программы по нравственному богословію, но тѣмъ не менѣе онъ былъ обязанъ удовлетворительно оправдать такое, а не иное расположеніе ея. Теперь же всѣ эти отмѣченные пункты являются сплоченными лишь механически, а не вытекаютъ изъ какого-либо общаго принципа или понятія.

Недостатокъ разбираемой книги не исчерпывается тѣмъ, что она не даетъ опредѣленія нравственности съ ея матеріальной стороны. Дѣло обстоитъ гораздо серьезнѣе. Не видно, чтобы чрезъ всю книгу, хотя бы въ скрытомъ видѣ, такъ сказать въ потенціи, проходило устойчивое и строго формулированное для самого автора понятіе о нравственности. Доказать это не трудно изъ снесенія различныхъ мѣстъ книги. Возражая на первыхъ страницахъ своей книги противъ критическаго отношенія о. Янышева къ старинному названію нашей науки „нравственнымъ богословіемъ“, г. Никитскій, выходя изъ этимологическаго значенія этого названія, спрашиваетъ: „ученіе о Божественномъ нравственномъ законѣ и вытекающихъ изъ него для насъ обязанностяхъ не составляетъ ли одного изъ главныхъ предметовъ науки нравственнаго богословія“²⁾? Авторъ, повидимому, въ

1) Кавелинъ. Задачи этики, стр. 904.

2) Стр. 3.

данномъ случаѣ примыкаетъ къ программному опредѣленію нашей науки и совпадаетъ съ тѣми богословами, которые исходною точкою берутъ понятіе о законѣ Божіемъ и его обязательности, а о нравственности судятъ внѣшнимъ образомъ—по степени ея соотвѣтствія или несоотвѣтствія нравственному закону и предписываемымъ имъ обязанностямъ. Это подтверждается изображеніемъ метода, какому хочетъ слѣдовать авторъ въ своей книгѣ. „Каждая нравственная истина, говоритъ онъ, должна быть прежде всего представлена въ символическомъ изложеніи церкви, потомъ оправдана и изяснена на основаніи, съ одной стороны, Св. Писанія, съ другой—св. Преданія т. е. ученія соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, отцевъ и учителей Вселенской Церкви“¹⁾. Послѣ этого „наша наука должна показать ея сродство духу человѣческому, соотвѣтствіе съ истинными высшими духовными потребностями“²⁾. Какъ видимъ, авторъ цѣликомъ усволяетъ дедуктивный, схоластическій методъ, который составляетъ достояніе указанныхъ богослововъ—моралистовъ. Мѣста для анализа внутреннихъ, нравственныхъ процессовъ воли онъ въ своемъ изложеніи не отводитъ, никакого вниманія на субъективность дѣятеля онъ не обращаетъ, оброченное имъ опредѣленіе нравственности, какъ внутренней настроенности, позабываетъ. Между тѣмъ этика должна разсматривать нравственную дѣятельность человѣка именно по отношенію къ дѣйствующему лицу, его душевному строю, ощущеніямъ, убѣжденіямъ и помысламъ, какъ его внутренней пережитокъ. На этомъ принципѣ построены лучшія системы православнаго нравоученія, какъ напр. система преосв. Теофана. И вотъ когда г. Никитскій излагаетъ отдѣлъ о добродѣтели по преосв. Теофану, онъ мѣняетъ основную точку зрѣнія на нравственность, разумѣя подъ нею внутреннее настроеніе, субъективное расположеніе дѣйствующаго лица³⁾. Въ VI главѣ, посвященной разсужденію о грѣхѣ, онъ раскрываетъ, опять таки вслѣдъ за преосв. Теофаномъ, психологію грѣха. Конечно, отъ такой перемѣны основной точки зрѣнія на нравственность изложеніе г. Ни-

1) Стр. 19.

2) Стр. 20.

3) Стр. 111.

китскаго выигрываетъ, но едва-ли отъ того самое понятіе о нравственности уясняется и осмысливается.

Мы не знаемъ, для кого ближайшимъ образомъ г. Никитскій предназначалъ свою книгу—для преподавателей или учениковъ. Если для преподавателей, то его книга далеко не отличается полнотою и не стоитъ на должной научной высотѣ, такъ чтобы она могла обогащать ихъ знаніями и поддерживать ихъ на уровнѣ современныхъ научныхъ изслѣдованій и работъ въ области нравственности. Если г. Никитскій, при составленіи разбираемой книги, имѣлъ въ виду учениковъ, то едва ли его „изложеніе“ въ состояніи заинтересовать ихъ и оживить для нихъ сухой и скучный предметъ „нравственнаго богословія“. Мы уже указывали, какъ трудно уловить въ разбираемой книгѣ точное и опредѣленное понятіе о нравственности. Теперь приведемъ другой примѣръ. Въ IV главѣ „о главномъ началѣ нравственной жизни“ г. Никитскій, предпославши нѣсколько словъ о формальной необходимости отыскать такое основное начало, указываетъ его въ любви. Но какъ авторъ обосновываетъ этотъ важный тезисъ христіанскаго нравоученія? Исключительно внѣшнимъ образомъ, приводя рядъ цитатъ и изреченій изъ свящ. Писанія, отцовъ Церкви, Православнаго Исповѣданія. Никакого психологическаго анализа чувства любви, указанія на его сущность, доминирующее значеніе и чисто нравственную природу мы не встрѣчаемъ въ разбираемой книгѣ. Живое начало нравственности, одушевляющее послѣднюю, превращается у нашего составителя во внѣшнюю заповѣдь, предписаніе закона. Неужели подобный способъ изложенія христіанскаго нравоученія можетъ возбудить интересъ въ ученикахъ, оживить и осмыслить преподаваніе нравственнаго богословія? А вѣдь какой богатый и, дѣйствительно, интересный матеріалъ для раскрытія даннаго положенія могъ найти г. Никитскій у древнихъ и новыхъ мыслителей, въ религіозной и свѣтской поэзіи, въ подвижнической литературѣ (напр. у Исаака Сирина)! И нельзя сказать, чтобы этотъ матеріалъ нужно было добывать самому, затрачивать значительную долю времени и труда. Онъ представленъ въ готовомъ видѣ напр. у г. Попова въ его книгѣ „естественный нравственный законъ“.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе чисто дидактическаго.

свойства. Разбираемая книга напечатана двумя шрифтами— крупнымъ и мелкимъ. Чѣмъ вызывается у автора такое разнообразіе, съ ясностью не видно. Такъ какъ, между прочимъ, мелкій шрифтъ употребленъ авторомъ по отношенію къ такимъ параграфамъ, которые въ учебной программѣ называются примѣчаніями, можно думать, что составитель придавалъ такой характеръ всѣмъ отдѣламъ своей книги, набраннымъ мелкимъ текстомъ. Но спрашивается: существенное или несущественное значеніе имѣютъ эти примѣчанія автора т. е., другими словами, можно ли въ учебныхъ цѣляхъ опускать или сокращать ихъ. Едва ли авторъ согласится на послѣднее, такъ какъ многія его примѣчанія, по видимому, рассчитаны на то, чтобы придать именно осмысленность излагаемому имъ содержанію, каковую цѣль вообще преслѣдуетъ его книга. Но если такъ, то двоякое раздѣленіе ея текста является нецѣлесообразнымъ и непедagogичнымъ. Извѣстно, что ученики при пользованіи тѣмъ или другимъ пособіемъ или учебникомъ склонны опускать изъ вниманія мѣста, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, пропускать примѣчанія, какъ несущественное. Конечно, дѣло преподавателя—направить вниманіе своихъ учениковъ на тотъ или другой отдѣлъ книги, но съ другой стороны зачѣмъ же вводить ихъ въ заблужденіе искусственнымъ дѣленіемъ текста?

Нашъ отзывъ о разбираемой книгѣ въ общемъ неблагопріятенъ для составителя ея. Это зависитъ отъ того, что мы посмотрѣли на книгу съ точки зрѣнія намѣреній самого автора. Но само собою разумѣется, что внутреннія достоинства, присущія извѣстнымъ трудамъ о Янышева и преосв. Теофана, остаются и въ „изложеніи“ г. Никитскаго, которое представляетъ собою перифразъ ихъ нравственныхъ системъ.

И. Н.
